

)

Ладно бы они просто упали на лицо, но несколько капель случайно скользнули прямо в приоткрытые губы Гуань Е.

Заметив это, Ци Шуюэ смутился еще сильнее, щеки тут же залились краской, и стало до невыносимости стыдно.

Гуань Е в этот момент думал лишь об одном: «Горькие».

Слезы Ци Шуюэ были горькими.

Казалось, он вечно доводит Ци Шуюэ до слез.

И при этом сейчас он даже не мог его утешить, не мог помочь вытереть слезы – ведь неизвестно, в какой момент он сам превратится в монстра, и его казавшиеся безобидными пальцы превратятся в смертоносное оружие.

Эмоции, которые вечно словно скрывались за пеленой тумана и насильственно сглаживались, сейчас бешено взвихрились, раз за разом ударяя по замирающему сердцу.

Гуань Е хотел было что-то сказать, но стоило ему открыть рот, как острая, невыносимая боль пронзила все внутренности, и казалось, будто его тело разлетелось на куски от этой жуткой агонии.

В ране на спине, оставленной зомби, поднялся дикий, нестерпимый зуд. Гуань Е отчетливо чувствовал, как мышцы в том месте дергаются и пульсируют, словно там, полностью выходя из-под контроля, что-то пыталось прорасти.

Пережив эту волну боли, когда челка на лбу промокла от холодного пота, он все же отчетливо произнес:

– Ци Шуюэ, стреляй.

Его тело выходило из-под контроля.

Прежде чем он окончательно превратится в чудовище, все те жгучие чувства должны быть проглочены.

С холодным и бесстрастным выражением лица Гуань Е заговорил:

- Тебе нет смысла умирать со мной, в конце концов, в этом мире есть много людей, которые по-настоящему любят тебя.

- А я...

Его кадык судорожно дернулся. Казалось, эти слова он репетировал в глубине души тысячу и один раз, только поэтому их удалось произнести так гладко:

- Заботился о тебе лишь потому, что такова моя работа.

- Если бы не приказ твоей матери, я бы в жизни не стал водиться с таким избалованным господином, как ты.

- Окажись мы в равных условиях, я бы без колебаний бросил тебя.

- Так что не нужно проявлять жалость, младший господин.

Убить его, уничтожить его тело, выжить, а затем отыскать новую надежду.

Именно так думал Гуань Е.

Быть может, Ци Шуюэ погорюет какое-то время, но это всяко лучше, чем умирать вместе с ним, чудовищем. Та самая, казалось бы, совершенно чуждая боль снова заскреблась в грудной клетке, и Гуань Е в очередной раз возненавидел себя за то, что умирает так не вовремя: даже в самый последний момент своей жизни он умудрился снова довести Ци Шуюэ до слез, наговорив ему гадостей.

Ци Шуюэ и правда остолбенел, его светло-карие зрачки слегка расширились. Впрочем, доводить дело до того, чтобы Гуань Е снова заставил его реветь, никто не собирался - Ци Шуюэ просто думал: с чего это вдруг Гуань Е завел разговор обо всем этом? О том, что и так было ему прекрасно известно.

Конечно же, он знал, что Гуань Е продолжает заботиться о нем исключительно из чувства долга, являясь по сути своей классическим бедолагой-работягой.

Для главного героя Гуань Е был и так донельзя честным; даже по сюжету он лишь тогда, когда его собственный характер довели до ручки и он понял, что это пушечное мясо никак не исправится, решил сложить с себя прежние обязательства.

Если бы он сам обратился в зомби, Гуань Е, само собой, совершенно закономерно уничтожил бы его.

Именно потому, что предчувствие было давно, урон от этих слов для Ци Шуюэ равнялся нулю. Он лишь не понимал, почему Гуань Е заговорил об этом именно сейчас... Быть может, терпел слишком долго и решил высказать всю правду-матку перед самой смертью?

Подумав об этом и осознав, что в смерти Гуань Е есть и его вина, Ци Шуюэ почувствовал себя еще более виноватым.

Он вовсе не стремился быть мерзким человеком, но таковы были условия задания.

Сейчас Ци Шуюэ и сам чувствовал себя полностью опустошенным: задание провалилось по всем фронтам, и его уже совершенно не волновало, снизят ли ему баллы за несоответствие характеру. Его длинные загнутые ресницы опустились, покрывшись влажной дымкой. Он выглядел донельзя потеряннным, и оттого его голос прозвучал жалко-жалко:

- Прости.

- Прости... Гуань Е.

На долю секунды повисла пауза, в которой слышался задавленный, короткий всхлип.

Ци Шуюэ, даже когда его обижали, умел лишь плакать и извиняться. Осознав это, Гуань Е чуть не сошел с ума – ему безумно хотелось разорвать на куски самого себя за те ранящие слова, что он только что выронил. Но его цель еще не была достигнута, и объяснения с извинениями застряли комком в горле. Лицо Гуань Е побледнело и посерело, он и впрямь стал похож на зомби. Переведя дыхание, он сквозь зубы подавил этот порыв и предельно жестко бросил:

- Тебе... не нужно... не нужно извиняться.

Скажи он еще хоть слово, и маска спадет.

Гуань Е лихорадочно соображал, как бы посильнее выставить себя ублюдком, но так, чтобы Ци Шуюэ не слишком сильно убивался:

- Убиваться по такому человеку, как я, бессмысленно... Это просто... глупо.

Ци Шуюэ совершенно не уловил логики в его словах и лишь растерянно хлопал глазами.

Но когда он посмотрел на Гуань Е, то заметил, что того бьет крупной дрожью с головы до ног – это была та самая непроизвольная, чисто физиологическая реакция на невыносимую боль и страх, к последней из которых Ци Шуюэ успел до боли привыкнуть.

Именно поэтому ему хотелось сделать так, чтобы Гуань Е – хотя бы в самый последний момент – почувствовал себя чуточку лучше и не питал к нему столь сильной ненависти.

Условий сейчас было кот наплакал, и раздобыть хоть какие-то успокоительные Ци Шуюэ не мог. Вспомнив, как Гуань Е обычно утешал его самого, Ци Шуюэ, который прекрасно умел черпать любовь и чувство безопасности из тактильного контакта, немного подумав, придвинулся еще ближе. А затем лицом к лицу устроился прямо на коленях у Гуань Е.

Гуань Е: «...-?!?!»

В этот момент Гуань Е, казалось, готов был задымиться от перегрева, но, к счастью, быстро сообразил и прошипел сквозь зубы:

- Ты... отойди! Чего прижался так близко, а если я тебя укушу?!

Руки и ноги Гуань Е все еще были связаны, так что оттолкнуть Ци Шуюэ он никак не мог.

К тому же, даже если бы он не был связан, совершить подобное для него оказалось бы задачей совершенно невыполнимой.

Но Ци Шуюэ сделал вид, будто ничего не услышал. Он изо всех сил надавил на голову Гуань Е сверху вниз, жестом требуя, чтобы тот наклонился – а лучше бы еще и согнулся в три погибели.

Мозги Гуань Е сейчас плавилась от боли, и он на уровне чистого рефлекса подчинился движению Ци Шуюэ. Если бы его торс не был так накрепко стянут веревками, он бы сейчас

согнулся гораздо сильнее.

Ци Шуюэ сидел у Гуань Е на коленях, а поскольку тот был человеком высоким, носки туфель Ци Шуюэ едва доставали до пола. Боясь потерять равновесие, сначала он просто держался за плечи Гуань Е, но, заметив, что тот идет ему навстречу, подался вперед и прижал голову Гуань Е к своей груди, заключая его в объятия донельзя интимного характера.

Словно вмещая в себя всего Гуань Е целиком, стирая и растапливая все недавние неприятные моменты, они просто крепко обнимались.

Гуань Е чувствовал, как зарылся лицом в грудь Ци Шуюэ, отчего его уши покраснели еще сильнее, а все тело снизу доверху буквально пылало жаром.

Из-за столь близкого расстояния он отчетливо ощущал запах Ци Шуюэ – в этой интимной, граничащей с дерзостью близости отчетливо улавливался нежный, почти дурманный аромат, исходивший от его кожи.

Казалось, он даже мог физически ощутить изгиб вздымающейся груди Ци Шуюэ.

Даже стараясь изо всех сил не предаваться пошлым фантазиям от столь сокровенного и близкого контакта, Гуань Е все равно расплавился до такого состояния, что мог бы свариться заживо: от его макушки валил пар, а внизу живота возникла совершенно неуместная реакция.

Ци Шуюэ ничего не заметил, потому что был полностью поглощен объятиями и попытками поудобнее устроиться. Умостившись как надо, он приставил зажатый в руке пистолет прямо к затылку Гуань Е.

Ощувив затылком холодный металл, Гуань Е на миг пришел в себя. Он подумал, что так даже лучше: по крайней мере, вздумай он учудить что-то странное, Ци Шуюэ сможет без труда пристрелить его.

Выстрел или случайная осечка в этот момент могли насквозь пробить голову Гуань Е.

Как правило, чем сильнее был человек, тем опаснее становился превратившийся в зомби

монстр. Учитывая это, Ци Шуюэ никак не мог позволить Гуань Е переродиться в ходячего мертвеца и превратить и без того трещащий по швам мир в решето.

При этом Гуань Е упустил из виду одну маленькую деталь: модифицированный ствол обладал колоссальной убойной силой, и с такого близкого расстояния пуля не только пробила бы его собственную башку, но и полетела бы дальше – а поскольку Ци Шуюэ прижимал его голову к своей груди, траектория полета пули должна была пройти прямо сквозь сердце Ци Шуюэ.

Это был финал, который Ци Шуюэ выбрал для них двоих. Для них обоих.

Гуань Е. Беззвучно, одними губами прошептал Ци Шуюэ: «Я не позволю тебе остаться в одиночестве».

Последующая атмосфера отличалась странным, безмятежным покоем: они просто молча прижимались друг к другу, молчаливо ожидая прихода определенного момента.

Гуань Е то и дело терял сознание от накатывавших волн невыносимой боли, но быстро приходил в себя. Ци Шуюэ же, обнимая Гуань Е, уставал держать на весу пистолет, украдкой опускал руку на пару секунд, а затем с невозмутимым видом поднимал ее вновь.

На самом деле это время не казалось ему томительным – по крайней мере, для Ци Шуюэ каждая минута и секунда этого мирного сосуществования была на вес золота.

Но это равновесие длилось так долго, что когда края облаков окрасились золотом и первый луч утреннего света пробился сквозь щель в балконных шторах прямо на лицо Ци Шуюэ, он даже растерянно моргнул. Ошеломленно подняв голову в сторону балкона, он зажмурился от яркого, ослепительного золотого сияния, отразившегося в его карих глазах, и на ресницах выступили слезинки.

Ему безумно захотелось потереть глаза, но руки были заняты, поэтому он мог лишь часто захлопать длинными ресницами и опустить голову, прячась от яркого дневного света. Его взгляд случайно упал на сидевшего под ним Гуань Е, и он слегка замер.

Уже рассвело.

Но на теле Гуань Е, казалось, по-прежнему не было никаких признаков превращения в зомби – поразмыслив, Ци Шуюэ чуть ослабил крепкие объятия и велел Гуань Е поднять голову, чтобы получше его разглядеть.

Гуань Е все еще сохранял человеческий разум.

В тот момент он как раз пришел в себя после очередной отруби и, услышав голос Ци Шуюэ, еще не до конца соображая, автоматически подчинился. Их взгляды встретились: Ци Шуюэ от неожиданности широко распахнул глаза, став похожим на испуганного котенка.

– Гу... Гуань Е! – Ци Шуюэ действительно был потрясен. Он подался вперед так близко, что его изогнутые длинные ресницы едва ли не касались лица Гуань Е, и восторженно обхватил его лицо ладонями. – Твои глаза... они снова стали прежними!

Глаза вернулись в норму, а температура тела перестала аномально повышаться – все эти изменения недвусмысленно указывали на то, что Гуань Е благополучно миновал опасный «период трансформации» и стал полноценным эспером.

Разумеется, по-настоящему воодушевляло Ци Шуюэ другое: вирус зомби и сверхспособности по своей сути являлись двумя противоположными, противоборствующими силами.

Конечно, это не означало, что эспер не мог заразиться, однако у наделенных силой людей все же имелся определенный иммунитет к вирусу. К тому же заражение в качестве компенсации влияло на мощь самой способности.

Тот факт, что в столь критический момент Гуань Е пробудил способность, а не обратился в зомби, сам по себе был редким и многообещающим знаком. Удалось ли ему успешно мутировать благодаря сопротивлению вирусу или же именно успешное пробуждение помогло подавить зомби-инфекцию – в любом случае оба варианта сулили хорошие новости.

Подобно тому лучу утреннего света, что неудержимо рвался ввысь, в душе Ци Шуюэ теплилась искра надежды.

Казалось, шанс вырваться из лап смерти действительно существовал.

- Гуань Е, - глаза Ци Шуюэ сияли, смешав в себе тревогу и ожидания, пока он спешно развязывал веревки на его груди. - Быстро сними одежду, покажи мне!

Гуань Е: - ...

<http://bllate.org/book/18797/1870134>